

Загадка семьи Афросимовых

О. Н. Колтун

«Привет всем, кто помнит меня.

Шт.-кап. по Адмиралтейству Афросимов»

Журнал «Звено» № 9, январь 1926 г., Брно

Занявшись родословием, я даже не могла предположить, насколько жизни и поступки некоторых родственников вплелись в историю России. Я нахожу родные имена не только в архивных документах, но и в исторической и мемуарной литературе. Порой находки бывают настолько неожиданными и захватывающими дух, что остается только пожалеть – нет уже старшего поколения, у которого можно было бы переспросить, уточнить, нет уже в живых свидетелей той поры...

Моя бабушка Таля, урождённая Тихановская Наталия Александровна, с огромным удовольствием и вполне объяснимой грустью вспоминала детство. В частности, она вспоминала своих двоюродных братьев Шурку и Бобку Афросимовых, которые были моряками и, приезжая из своего училища на каникулы, обязательно проводывали родных. Особенно Таля любила озорного Бобку, который, не смотря на 9-ти летнюю разницу в возрасте, развлекал маленькую кузину, был неистощим на выдумки, с ним было очень интересно и весело. Такие же воспоминания о двоюродных братьях Афросимовых остались и в памяти другой Тали – урождённой Казанской Наталии Александровны.

О семье Афросимовых я знала очень мало. Рассказывали, что ребята были в учебном плавании далеко от Родины, когда было получено сообщение о происшедшем в России большевистском перевороте. При заходе корабля в один из портов США, они остались там, попросив политическое убежище. Александр стал артистом Голливуда, но вскоре умер, а Борис жил благополучно, женившись на миллионерше. Их родители Сергей Александрович и Прасковия Петровна с дочерью Наташей выехали в Сербию сразу после революции. В 1930-е годы, после смерти супруга, Пра-

сковия Петровна собиралась переехать с Наташей, бывшей к тому времени замужем, в США. Полагали, что так и случилось, вестей от Афросимовых больше не было. До революции их семья проживала в г. Орле, но с чем это было связано, никто из старшего поколения не помнил. Однажды, просматривая старый альбом родственников, я обратила внимание на фото, сделанное именно в этом городе, к которому кроме Афросимовых никто не имел отношения. И, поскольку мужчина был в военной форме, я включила имя Сергея Александровича Афросимова в свой запрос в РГВИА, связанный с выявлением сведений об офицерах, членах семей моих предков. Результат оказался положительным – я получила ксерокопию документа: **“Краткая записка о службе офицера-воспитателя Орловского Бахтина кадетского корпуса капитана Сергея Афросимова, представляемого к производству в следующий чин от 28 октября 1905 года”**. В этом документе написано, что женат был Сергей Александрович **“первым браком на дочери личного почётного гражданина Прасковии Петровны Тихановской”**. Так была открыта мною первая страница жизнеописания семьи старшей сестры моего прадеда.

Родился С. А. Афросимов 6 августа 1869 года, вероисповедания был православ-

Афросимовы Сергей Александрович и Прасковия Петровна, 1898 г.

ного, происходил из дворян Орловской губернии. Окончил Орловский Бахтина кадетский корпус по 1-му разряду, в службу вступил в 3-е военное Александровское училище, которое окончил также по 1-му разряду. С 10 августа 1889 года служил в звании подпоручика в 139-м пехотном Моршанском полку¹.

С 1893 года, согласно новой, Высочайше утвержденной дислокации войск, 139-й пехотный Моршанский полк размещался в г. Егорьевске Рязанской губернии². В этом городе на улице Хмелевой у Тихановских был собственный дом и на зимний период семья из имения в селе Починки переезжала в город. Все дочери, старшей из которых была Прасковия, родившаяся 23 августа 1877 года, обучались в Московском Мариинском училище ведомства Императрицы Марии, после окончания которого возвращались к родителям. Поскольку офицеры обязаны были получить разрешение на брак у своего начальства и венчаться в полковой церкви, Сергей Александрович и Прасковия Петровна должны были обвенчаться в Егорьевской церкви Казанской Божьей Матери³.

Первенец Александр родился 20 июня 1899 года, затем появился Борис – 5 августа 1900 года. Имена были мальчикам даны «афросимовские», то есть те, которые были приняты в роду Сергея Александровича. Де-

Афросимовы Шура и Бобка (сидит), 1901 г.

ло в том, что на протяжении нескольких веков бытовало мнение о постоянных, то есть семейных Ангелах-хранителях, потому и называли новорожденных именами предков, определяя им тот же день именин. Дочь, родившуюся 30 апреля 1904 года, назвали Наталией согласно традиции семьи Тихановских, вернее моей прапрабабушки Наталии Ивановны, урожденной Морошкиной.

Как следует из документов, приказом по военно-учебным заведениям от 10 августа 1900 года за № 84, с разрешения Военного Министра, С. А. Афросимов был прикомандирован к Орловскому Бахтина кадетскому корпусу для исправления должности офицера воспитателя. *“... жена и дети православного вероисповедания находились при нём. Жалованья получал 800 рублей и столовых 800 рублей, всего в год 1600 рублей, занимал казенную квартиру”*. Звание капитана ему было пожаловано 6 декабря 1902 года⁴.

Место службы Сергея Александровича больше не менялось, к 1910 году он имел звание подполковника и по-прежнему был офицером-воспитателем в своём родном Орловском Бахтина кадетском корпусе⁵. Поскольку супруг Прасковии Петровны, как оказалось, был из старинного дворянского рода, я стала предполагать, что их сыновья могли быть определены на воспитание в Морской корпус. Но это учебное заведение было в России одним из наиболее элитных, я не решилась послать запрос в Военно-морской архив, мне показалось, что уж очень высоко беру, тем более, что слово «корпус» в семье не произносили. Хотя историей Морского корпуса и правилами приёма в него, установленными в начале XX века, заинтересовалась. В XIX веке название этого высшего учебного заведения менялось, в период с 1867 года по 1891 год оно называлось Морским училищем. После возвращения старого названия, в неофициальном употреблении остались оба. В 1915 году Морской корпус опять был переименован в Морское училище, произошло это после выделения общих классов в Морской кадетский корпус в Севастополе⁶. Начиная с 1907 года в Морской корпус поступали мальчики не младше 14 лет. В

Мальчики Афросимовы с дедушкой Тихановским П. И.

соответствии со своим возрастом, братья Афросимовы могли быть отправлены на учёбу в Санкт-Петербург как раз к моменту начала Великой войны с немцами или, как мы привыкли её называть — Первой мировой. Морской корпус, так же, как и Морское училище “...выпускал воспитанников корабельными гардемаринами, а офицерский чин они получали только после практического плавания”⁷. И ещё я вычитала: “...гардемарины, «отставшие» по разным причинам от кораблей Учебного отряда в

различных портах, вначале числились в отпуске, а затем, после окончания гражданской войны, получили статус политических беженцев и рассеялись по всему миру”⁸.

К моему удовлетворению семейные предания и документальные повествования не противоречили друг другу, значит ребята, действительно, могли быть гардемаринами. Дел по родословию у меня много, ведь у прадеда Тихановского А. П. было одиннадцать братьев и сестёр, а у его супруги, моей прабабушки И. Д. Макарьевой — шесть, и у большинства очень интересные судьбы, истоки которых в г. Егорьевске. Приехав в очередной раз в город своих предков, я пошла в только что воссозданный Свято-Троицкий Маринский женский монастырь. Монастырь был заложен в кон-

це XIX века по замыслу родной сестры моего прапрадеда Макарьева Д. В. — Марии Владимировны, бывшей замужем за Н. М. Бардыгиным⁹. Сейчас идут восстановительные и строительные работы, приводятся в порядок найденные захоронения. Зная о моих родословных исследованиях, матушка Зинаида Захарова подарила книгу, сказав при этом, что она ей очень нравится, но для меня может оказаться не просто интересной, но и полезной.

Прочитав повесть «Детство Императора Николая II», написанное И. Д. Сургучевым по воспоминаниям Владимира Константиновича Оллонгрена, которому довелось в течение нескольких лет жить в Аничковом дворце и расти вместе с Великими князьями Николаем и Георгием, я получила большое удовольствие. Когда же перешла к описанию Аллой Васильевны Дьяковой её исследований, сбору информации и поиску потомков Оллонгренов, я насторожилась. Дело в том, что у Владимира Константиновича был сын Шура, который в 1914 году был зачислен в Морской корпус, то есть Александр Оллонгрена был ровесником Бориса Афросимова. С глубочайшим уважением относящаяся к людям, которые остались верными своей присяге, чести и долгу, описывая жизнь А. В. Оллонгрена, А. В. Дьякова написала и о многих его однокашниках, об «Орловцах», выпускниках самого легендарного выпуска Морского корпуса, Выпуска 1920 года. Перевернув очередную страницу, я обмерла: “Через несколько лет после переезда в Америку четыре выпускника АФРОСИМОВ, КОТОВИЧ, СЛЕЗКИНСКИЙ и ГОРИЗОНТОВ купили в складчину дом-дачу, который в течение двадцати лет был как бы штаб-квартирой для всех гардов на Восточном берегу Америки. В этот дом съезжались многие однокашники: или погостить, или оказавшись безработными.<...> Вообще «американцы» сделались объединяющим центром Выпуска. При всей их состоятельной жизни они не очерствели сердцем и не потеряли друг друга. За все десятилетия не было случая, чтобы чья-либо просьба о помощи не нашла у них отклика и не были бы собраны необходимые средства. Обычно Алик Крем-

ков взывал: «Славные Орлята! Волшебные Стрелки! Вы – Львиные сердца, как говорили про нас на Дальнем Востоке. Вы должны помочь сегодня Макшееву, Соколовскому, Путиловскому, Юнакову и всем остальным «Славным Орлятам», которые остановились в Европе, когда вы добежали до Америки. Платите за это.». И «американцы», будучи уже людьми семейными, имеющими обязательства к своим родным вне Америки, добывавшие свое благополучие ценой такого напряженного труда, о котором никто из «парижан» или «сербов» не имел представления, – платили»¹⁰.

Первая мысль – писать в Военно-морской архив. Но это долго и, кроме подтверждения того, что братья Афросимовы действительно, учились в Морском корпусе или Отдельных Гардемаринских Классах, которые были открыты в 1913 году, я ничего не получу. Я поступила по-другому, очень просто. Включив компьютер, запросила в поисковой системе Интернета сведения по Борису Афросимову, выпускнику Морского корпуса 1920 года. Результат превзошёл все мыслимые ожидания, я в один миг узнала о судьбе Бобки Афросимова, того Бобки, которого моя бабушка вспоминала на протяжении всей своей долгой 90-летней жизни. Но теперь узнав, что Борис Сергеевич в 19 лет имел чин штабс-капитана, два Георгия и пять ранений, что он стал легендарной личностью самого легендарного выпуска Морского корпуса, причём Боевой его части, я обратилась с письмом к Алле Васильевне Дьяковой. Спустя две недели в моей квартире раздался телефонный звонок и милый женский голос сообщил дату кончины и место упокоения Б. С. Афросимова. А чуть позже я получила письмо, содержащее выдержки из Бюллетеней, которые в США для своих однокашников издавал И. М. Белавенец, и я не могу не поделиться ими со всеми, кому не безразлично прошлое нашей страны. Хотя в то время, когда Иван Митрофанович начал свой великий труд по описанию судеб своих однокашников, разбросанных по разным странам и континентам, он просил всех соблюдать крайнюю осторожность, не давать читать письма чужим людям. Он прекрасно осознавал,

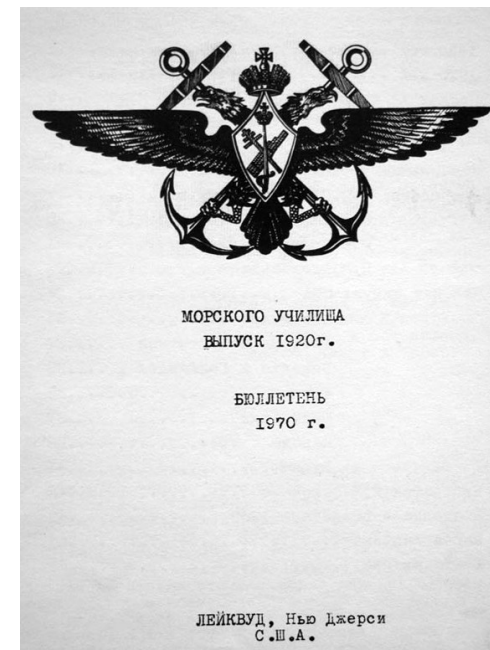
что агентам НКВД небыли интересны сведения о бывших гардемаринах, многие из которых принимали весьма деятельное участие в Белом движении. И. М. Белавенец сформулировал понятие «ВЫПУСК ДВАДЦАТОГО ГОДА», «закваска» которого – это осень 1914-го, это те ребята, которые до отъезда из революционного Петрограда успели впитать традиции и дух старейшего

Морского учебного заведения. «<...> без объявления Российской Империи самой свободной и демократической страной, Выпуск должен бы быть произведённым в 1920 году в мичманы, что и произошло с большей частью Выпуска: мичмана приказом генерала Врангеля в ноябре 1920 года <...>

Уехавшие из М. У. в конце 1918 г. на фронт за Урал были произведены за боевые отличия в офицеры: корнеты, хорунжие и подпоручики адмиралом Колчаком и Командующими отдельными частями уже после падения власти Верховного Правителя.

Из них закончили Белую Борьбу старшими по Выпуску: полковник Константин Слюз и штабс-капитан Борис Афросимов.»

С 1915 года положение на фронтах вынудило администрацию Морского училища проводить длительные учебные плавания гардемарин не на Балтике, как это было принято ранее, а на Дальнем Востоке. Наступил 1917 год, принёсший Российской империи хаос, смуту и жесточайшее

кровапролитие по всей стране. В феврале в Морском корпусе начались серьёзные неприятности, учебный процесс был прерван. Но в апреле, как только обстановка слегка стабилизировалась, занятия были продолжены, даже состоялся выпуск. С задержкой, но всё же удалось организовать и практику для гардемарин.

“...Вечером 3 октября 1917 года перрон Николаевской железной дороги в Петрограде был переполнен провожающими: шла посадка и проводы гардемарин Отдельных Гардемаринских Классов и Морского Училища во Владивосток, в учебное плавание, сроком всего на 9 месяцев. Был дан, наконец, третий звонок, пронзительно засвистел оберкондуктор, паровоз рывкнул, и поезд начал тихо и медленно уходить на неведомый Восток.

И вдруг, неожиданно для провожающих и самих гардемарин, послышались звуки печального напева песни Балтийских Подводников, подхваченные по окнам вагонов всеми гардемаринами, и весь вокзал наполнила грустная песнь, к большому смущению и неизъяснимой печали провожавших: «...и не-е воро-тимся назад...»

Так оно и вышло, так и не вернулись, ни через девять месяцев, и ни через девять лет, и ни даже через двадцать девять лет, и вряд ли когда-либо вернёмся...”¹¹.

Из Владивостока учебный отряд в составе вспомогательного крейсера «Орёл» и двух миноносцев «Бойкий» и «Грозный» отбыл в плавание. Узнали о чрезвычайной серьёзности событий в Российской империи только, когда выяснилось, что новая большевистская власть закрыла кредиты за рубежом для кораблей Императорского флота. «Известие об Октябрьском перевороте в Петрограде руководитель учебной морской практики капитан I ранга Кителин М. А. получил в порту Гонконга»¹². Офицеры и гардемарины вовремя заметили неладное в поведении большинства матросов. Они сумели провести упреждающие действия и избавиться от революционно настроенных, отправив их в Россию. Но необходимо было решить и другую проблему — для дальнейшего похода нужны были средства. Михаил Александрович Кителин,

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ									
ГАРДЕМАРИНОВЪ И КАДЕТЪ									
МОРСКОГО									
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА									
УЧИЛИЩА									
въ учебномъ 1916 1917 году.									
Фамиліи и имена.	Лѣта къ 1-му октябрю 1916 г.	Въро-деніе-дѣне	Въро-деніе-дѣне	Въро-деніе-дѣне	Фамиліи и имена.	Лѣта къ 1-му октябрю 1916 г.	Въро-деніе-дѣне	Въро-деніе-дѣне	Въро-деніе-дѣне
Его Высочество князь	л. м.				Андреевъ Михаилъ.	л. м.			
Никита Александровичъ			прав.	31	Андреевъ Николай.	19—10 ¹ / ₂	прав.	26	
*Его Высочество князь.					*Андреевъ Николай.	16—5 ¹ / ₄	"	42	
Ростиславъ Александровичъ			"	62	*Андреевъ Борисъ.	17—2 ¹ / ₃	"	37	
Абаза Владиміръ.	20—10 ¹ / ₂	"	"	34	*Аничковъ Борисъ.	19—11 ¹ / ₃	"	37	
Абаза Левъ.	19—9 ¹ / ₂	"	"	28	*Анцовъ Николай.	17—2 ¹ / ₃	"	36	
Адамовичъ Мечиславъ.	19—10 ¹ / ₂	кат.	"	24	Апель Юрій.	15—2 ¹ / ₃	"	51	
*Адлардъ Борисъ.	19—2 ³ / ₄	прав.	"	38	Арбузовъ Владиміръ.	17—3	"	43	
*Акимовъ Борисъ.	20—2	"	"	37	Армафельтъ Викторъ.	18—1 ¹ / ₄	лѣт.	27	
Аксаковъ Сергій.	17—4 ¹ / ₄	"	"	43	*Асеевъ Леонидъ.	20—1	прав.	35	
Алафузовъ Владиміръ.	15—3	"	"	51	*Атрянскій Дмитрій.	14—5 ¹ / ₄	"	62	
*Албрандъ Алексій.	16—1 ¹ / ₄	"	"	52	Афонасеевъ Николай.	19—4	"	31	
Алекинъ Владиміръ.	19—9 ¹ / ₄	"	"	22	Афросимовъ Борисъ.	16—0	"	43	
*Александровскій Георгій.	14—8 ³ / ₄	"	"	62	Бабининъ Борисъ.	18—6 ³ / ₄	"	21	
Александровъ 1-й Владиміръ.	18—4 ¹ / ₂	"	"	21	*Баговутъ Вадимъ.	16—9 ³ / ₄	"	44	
Александровъ 2-й Владиміръ.	17—2 ¹ / ₄	"	"	31	Базилевскій Иванъ.	16—10 ³ / ₄	"	33	
Александровъ Николай.	20—5 ³ / ₄	"	"	28	Байковъ Всеволодъ.	15—8 ¹ / ₂	"	51	
Алитовскій Николай.	17—3 ³ / ₄	"	"	41	Бакитъ Владиміръ.	20—1 ¹ / ₂	"	24	
*Алмазовъ Иванъ.	19—4 ¹ / ₂	"	"	38	*Балобановъ Александръ.	19—5 ¹ / ₄	"	38	
Алферовъ Федоръ.	16—7 ³ / ₄	"	"	53	Баньковский Борисъ.	18—3 ¹ / ₄	"	28	
*Амбургеръ Владиміръ.	15—2 ³ / ₄	"	"	61	Баранскій Владиміръ.	19—5 ³ / ₄	"	31	
*Аммосовъ Константинъ.	17—3 ¹ / ₃	"	"	38	*Батюшковъ Кирилъ.	19—4 ¹ / ₂	"	31	
					*Бектеевъ Георгій.	16—11 ¹ / ₂	"	31	

заменив команду крейсера «Орёл» гардемаринами, вынужден был в течение нескольких месяцев принимать на борт грузы для доставки их в разные порты. Таким образом, он добыл деньги для обеспечения корабля и всех находящихся на борту топливом, водой, провизией. В конце 1918 года, когда на крейсере было получено известие о том, что Верховным правителем России провозглашен адмирал А. В. Колчак, немедленно спустили флаг торгового флота и подняли Андреевский стяг, «Орёл» пошёл во Владивосток. Но

к этому времени часть гардемарин по разным причинам уже покинула борт крейсера. Ещё в мае, когда стало известно о формировании в Маньчжурии отрядов против красных, в Гонконге списалась с «Орла» первая партия гардемарин. Среди них был Борис Афросимов. В Маньчжурии он участвовал в военных действиях против красных на речных вооружённых пароходах по рекам Сунгари и Амуру. Теперь же всех гардемарин собрали во Владивостоке для продолжения учёбы во вновь открываемом Морском училище. Бытовало мнение, что власть большевиков долго не продержится, что скоро весь этот хаос и бандитизм в стране прекратится, «всё станет как прежде». Но некоторым гардемаринам продолжить учёбу не пришлось, уже 2 декабря они были списаны в Морскую роту и отправлены воевать. Одни были определены к атаману Семёнову, а другие на создаваемую Камскую Речную Флотилию под начальство старшего лейтенанта В. С. Макарова (сын адмирала С. О. Макарова) и мичмана Г. А. Мейрера, выпускника Морского корпуса 1917 года.

Командующим этой флотилией, состоявшей из 12 вооружённых судов, в апреле 1919 года был назначен контр-адмирал М. И. Смирнов, начальником штаба – капитан 1-го ранга Н. Ю. Фомин. 3 мая кампания была начата, на всех кораблях подняли Андреевские флаги. На теплоходе "Волга", где помещался штаб флотилии, отслужили молебен. Но в силу отсутствия какого-либо определённого плана, морскому командованию предстояло действовать по обстановке. Первые упорные и победные бои на Каме подняли дух личного состава флотилии, так как показали, что, несмотря на превосходство неприятеля в силе и дальности артиллерии, можно успешно сражаться, благодаря преимуществу в выучке личного состава. Гардемарины стали участниками всех боевых операций против большевиков на Каме. *“Афросимов был назначен в Разведывательное Отделение и, ему приходилось бывать по суткам в расположении красных, (напр. при слиянии Камы и Белой, он был переодетым крестьянином – подводчиком, от слова подвода). Его*

*задачи осложнялись ещё тем, что он картавит, чего у крестьян не встречается”*¹³.

Осенью фронт отступил с Камы, суда разоружили. Часть личного состава была использована для вновь созданной Обь-Иртышской Флотилии, а часть – для формирования Отдельного Морского батальона. Держались против красных около года, до осени 1920-го ценою героических усилий. Но под напором превосходящих сил и по недостатку снаряжения началось отступление на Восток, ужасное по своим жертвам, отягощенное сибирской зимой и тем, что главные железнодорожные пути были обычно заняты Чехами, Словаками, Поляками, оставляя Белой Армии окружные просёлочные дороги и сопки. *“Вообще же из офицеров, бывших на Камской флотилии, лишь немногие, в силу случайно счастливо сложившихся обстоятельств, избежали общей участи и при исключительно тяжелых условиях добрались до Дальнего Востока”*¹⁴.

Борис Афросимов заболел тифом и был оставлен в Ново-Николаевске как безнадёжный. Но молодой организм справился, Бобка стал поправляться и нашёл в себе силы уйти на железнодорожный вокзал. Санитарный поезд, на котором ему удалось уехать, в районе Красноярска был всё-таки захвачен красными. Через полтора суток Бобка сумел уйти в тайгу, где его подобрал какой-то крестьянин (Светлая Память Ему!) и на своей подводе отвёз на станцию Ук, которая была в руках Польской дивизии. С этой дивизией Афросимов, поправляясь от тифа, был в бою против большевиков. Встретив 13-й Воткинский (из рабочих Воткинского Государева Завода вместе с ижевцами в августе 1918-го поднявших восстание против красных) Конный Дивизион, присоединился к ним. Дивизион был арьергардом, прикрывал отступавшие войска. Дошли на отошавших конях до ст. Лиственничная на западном берегу озера Байкал. Южнее города Баргузин, который был в руках красных, в конном строю перешли озеро, но в пурге пропал обоз с ранеными. Вернулись, нашли, и вновь, под пронизывающим ветром,

при жутком холоде перешли по льду Байкал. При этом повезло, красные их не побеспокоили.

В бою под Черемховскими Копями Афросимов был ранен в ногу, но с коня не слез, пока не заняли станцию Вежреча. Прежде, чем дошли до Читы, Борис был ранен ещё дважды. Все эти ранения, а также перенесённый тиф очень ослабили юного офицера, поэтому с приходом в Читу, Афросимов был переведён на бронепоезд «Витязь» с грустью расставшись с Воткинским дивизионом, «*кровью с ним спянным*».

Бронепоездом «Витязь» командовал полковник Мейбом. На станции Даурия, всего в 15 верстах от Маньчжурии, «...Афросимов в бою с красными не укрылся за щиты бронепоезда, давая прицел наводчику и, был ранен в живот осколком шрапнели и очень тяжело. Его перетащили в санитарный поезд, уходящим первым в Маньчжурию. На 86-м разъезде мосты были взорваны пробравшимися красными, и отступление было закрыто. Санитарный поезд на путях оказался между своим бронепоездом и Артиллерийским Парком. Красные открыли обстрел. Артиллерийский Парк и несколько вагонов Санитарного Поезда начали гореть. Казалось, пропал Бобка, на сей раз окончательно.

К счастью у него оказался друг, бежавший когда-то от красных Дмитрий Беляев. Узнав, что Афросимов в начавшем гореть Санитарном поезде, он прискакал с подводой от Мусульманского Эскадрона Волжской Дивизии, где он служил, и вывез Бобку из горящего Поезда и привёз на ст. Маньчжурия – 15 вёрст.

Уже в другом Санитарном Поезде Афросимов пересёк Маньчжурию и прибыл на ст. Пограничная, которая была занята Белыми Уссурийскими Казаками. С ними был Лев Казанский. Он с трудом узнал Афросимова и воскликнул: «Ну, Бобка, такие не выживают!». Спустя пять лет Бобка ответил письмом из Сербии: – *Всё-таки выжил!*».

Доктор Пономарёв узнал о тяжёлом положении Афросимова и написал ему письмо из Владивостока с приглашением приехать в Морской Госпиталь во Владивостоке,

на операцию, куда Афросимов и прибыл под чужой фамилией, так как Владивосток был в красных руках. Операцию сделали благополучно и Бобка начал поправляться.

Мартысюк служил у красных. Он не выдал Афросимова и помог ему деньгами, едой и одеждой.»¹⁵.

Изучая события той поры, я нашла имя красного партизана, взорвавшего мост на 86-м разъезде. Он всю жизнь гордился этим, но награды от советской власти, для которой рисковал своей жизнью, так и не дождался. «*В ноябре семёновцы, отчаянно сопротивляясь, стали отходить в Маньчжурию. На станции Даурия скопилось тогда очень много поездов с оружием, боеприпасами <...> Под натиском наших бойцов враг начал отходить из Даурии, но бронепоезда и эшелоны не смогли пройти взорванный Гурулёвым мост. <...> За этот подвиг, позволивший захватить два бронепоезда, большое количество поездов и живой силы противника, Андрей Петрович был представлен к ордену Красного Знамени. Но награду он так и не получил, к сожалению. Документы были потеряны...»¹⁶.*

Владивосток был во власти большевиков, но родной для всех гардемарин крейсер «Орёл» совместно с судном «Якут», под дулами красных батарей и орудий американского крейсера «Бруклин», успел благополучно покинуть порт 31 января 1920 года. Глубокоуважаемый всеми гардемаринами капитан I ранга Михаил Александрович Кितिцын принял решение идти в Крым на воссоединение с Белой армией, главнокомандующим которой был генерал Пётр Николаевич Врангель. Путь крейсера был не прост, и в Крым он прийти не смог, хотя часть гардемарин, всё же добралась в Севастополь¹⁷. В память об этом крейсере всех гардемарин, бывших на его борту в труднейшее время гражданской войны, всю жизнь будут звать Орловцами или Орлятами.

В результате переворота Меркулова остатками Армии генерала В. О. Каппеля, в Приморье власть опять перешла к белым. И Борис Афросимов продолжил службу на судах Сибирской флотилии под командованием адмирала Г. К. Старка. Плавал на «Улиссе», на канонерской лодке «Бата-

рея» в должности артиллерийского офицера. Одно время был комендантом парохода «Эльдорадо», который был послан по побережью Охотского моря до Сахалина с заходом во все бухты. Но в 1922 году весенне-летнее наступление частей Народно-революционной армии под командованием В. К. Блюхера и партизанских отрядов окажется весьма успешным, в результате чего для белых сил в Приморье сложилась угрожающая обстановка. Покидали Владивосток в сентябре 1922 года и иностранные войска. Сибирская флотилия оказалась последним формированием, действовавшим в Гражданской войне под Андреевским флагом, и ушедшим в изгнание, не спустив его перед врагом.

“На эскадре эвакуировались: Афросимов, Делимарский, Степанов (Сашетт), Кумминг, Багговут, Бурый, Рябов, Воробьев, Любарский, Фаддеев, Герасимов, Горбачев, Узун, Белый, Глаголев (Дмитрий) и др. – все мичмана Выпуска 1920 года, но не пережившие так много и не так израненные, как Афросимов. Но и у них были подвиги свои, ратные, и свой долг к России они тоже выполнили до конца. Они все, списавшиеся с «Орла» и ушедшие из Морского училища в Армию и на фронт первыми, они и последними покинули Россию 22 сентября 1922 года.”¹⁸

Путь флотилии на Филиппинские острова был чрезвычайно трудным, полным всевозможных преград, опасностей и даже кораблекрушений. Дойдут не все, но в списке 140 офицеров, прибывших на Филиппины, будет имя штабс-капитана по Адмиралтейству Бориса Сергеевича Афросимова, единственного из гардемарин-орловцев, получившего два Георгиевского креста. Он полностью оправдал свою принадлежность к дворянскому роду Афросимовых, служившему Российскому государству на протяжении нескольких столетий, он честно выполнил свой долг, сделал всё, что было в его юных силах для возвращения порядка и законной власти в Российской Империи.

Постепенно, после жутких мытарств на Филиппинских островах офицеры, получившие разрешение от различных иностранных организаций, начали разъезжаться.

ПОПРАВКА в Бюллетене 1909г.			
На Стр. 4-й <u>Георгиевские Кавалеры</u>			
<u>За усмирение возстания Чешского Генерала Гайды.</u>			
1. Шеманский Г.	Георг. Крест	3 ст.	
2. Александров Н.	" "	4 ст.	
3. Андреев Н.	" "	4 ст.	
4. Бородин М.	" "	4 ст.	
5. Захарченко К.	" "	4 ст.	
6. Зельгейм К.	" "	4 ст.	
7. Поливанов М.	" "	4 ст.	
8. Попов Игорь	" "	4 ст.	
9. Синцов С.	" "	4 ст.	
10. Соколовский С.	" "	4 ст.	
11. Шафров В.	" "	4 ст.	
12. Домелунксен Б.	Георг. Медаль	4 ст.	
13. Майданович Л.	" "	4 ст.	
14. Недбалъ Н.	" "	4 ст.	
15. Пухало-Пуловский А.	" "	4 ст.	
16. Скороходов В.	" "	4 ст.	
17. Слестников Д.	" "	4 ст.	
<u>За боевые действия в Камской Флотилии</u>			
Афросимов Борис	Георг. Крест	3 и 4 ст.	

Среди выехавших в Сан-Франциско был наш Афросимов. Далее его путь лежал через Панаму (в качестве матроса иностранного судна) в окрестности Нью-Йорка, где молодые русские офицеры, добравшиеся первыми в США, стали верными помощниками И. И. Сикорского, бывшего к тому времени авиаконструктором с мировым именем, но, как и все выпускники Морского корпуса – нищим.

Бобка не виделся с родителями с 1917 года. За прошедшее время ему столько довелось пережить и перетерпеть, что путь из Америки в Европу и назад даже на чужом пароходе в качестве матроса, был вполне приемлем для него. *“До того, как осесть в Нью-Йорке, в 1925 году Афросимов съездил повидать родителей и, для сокращения расходов, нанялся конюхом на пароход, идущий из Нью-Йорка в Антверпен, нагруженный ошалевшими лошадьми от непривычной для них морской жизни.”¹⁹*

Сербия была страной, в которой беженцы встречали сочувствие, въезд не ограничивался визами или квотами, была предоставлена возможность свободно выбирать места для жительства. Русские чувствовали себя в Сербии довольно уютно, в Белграде им казалось, что они находятся в русском провинциальном городе, вроде Елисаветграда или Екатеринослава, им казалось, что их вынужденное пребывание здесь будет недолгим. В основном эмигранты оставались жить в больших городах – Белграде, Земуне (позднее Земун вошёл в границы Белграда), Нови-Саде, Любляне, Загребе, Сараево, Скопле. Здесь местные власти с большим удовольствием принимали на работу в государственные учреждения русских эмигрантов, тем более, что большинство из них имело высшее или средне-специальное образование, да и особых проблем с языком не было. Почти сразу стали открываться русские учебные заведения, театры, клубы. Церкви, не имевшие приходов, отдавались во власть русским священникам, а где не было таких, то оказывалось содействие в приведении в надлежащее состояние помещений, подходящих для проведения русской православной службы. Семья Афросимовых поселилась в Земуне, в котором были открыты гимназия, начальная школа, и где русские получили в свое распоряжение храм Михаила Архангела, одного из покровителей русского воинства. Пока не знаю как с матерью, но с отцом эта встреча для Бориса стала последней. Спустя семь лет, в мае 1932 года в сербском городке Земун упокоится полковник, офицер-воспитатель Орловского Бахтина кадетского корпуса Сергей Александрович Афросимов²⁰.

Находясь у родителей, Борис напишет «Скитания одного из многих» для очередного номера рукописного журнала «Звено», который выпускался бывшими гардемаринами по просьбе искренне уважаемого и любимого ими Кита – Михаила Александровича Кितिцына, капитана I ранга, героя-подводника Первой мировой войны, руководителя их учебной практики на крейсере «Орёл» и начальника Морского училища во Владивостоке. Напишет коротко и скром-

но, и только благодаря Ивану Митрофановичу Белавенцу и его «Бюллетеням», мы знаем относительно подробно о жизни Бориса Сергеевича.

*“Прибывшие в начале эмиграции из Бизерты осели на Лонг-Айленде, милях в 40 от Нью-Йорка. Жили вместе и работали вместе, плотниками, малярами. Помогли И. И. Сикорскому открыть завод, который на первых порах помещался в гараже в городе Рузвельт. Через несколько лет четвергом: **Афросимов, Котович, Слезкинский и Горизонтов**, купили дом «дача на 100, Пенсильвания Авеню. Рузвельт». Этот дом был в течение 20 лет штаб-квартирой всех наших на Восточном берегу Америки и, хорошо ставший известным и за пределами Америки.*

Первой хозяйкой в этом доме была Маргарита Котович, принимавшая постоянно съезжавшихся однокашников, на несколько дней погостить, а то и просто безработных. Но всему приходит конец и, спустя много лет, Котович купил себе на выплату другой дом и съехал.

Женился Афросимов и, хозяйкой стала его русская жена. Оживление, приёмы, пение и сборища однокашников продолжают, как и раньше. Афросимов развелся.

Женился на американке Горизонтов и, хозяйкой стала его жена. Подошло время войны. К этому времени из старожилов остался в этом доме Чулановский и был помещён на первых порах, прибывший из Парижа Белавенец, приехавший в Америку при помощи Поливанова и покойного Алика Кремкова.

Дом на 100 Пенсильвания Авеню после войны был продан последним его владельцем Котовичем. Память об этом доме останется на всю жизнь у наших «американцев», сколько там было пережито, а главное выпито!»²¹.

Большой дом, приёмы, пения, сборища однокашников... Не отсюда ли и домыслы родных о женитьбе Бобки на миллионерше?! Женитьба на миллионерше означала то, что Борис хорошо устроился, живёт в достатке. Он жил, действительно с некоторого времени материально благополучно, но это было достигнуто, как теперь я понимаю, бла-

годаря его неустанным трудам. Конечно, Прасковия Петровна не могла в письмах объяснить своим родителям истинную причину материального достатка Бориса, а уж тем более написать о его участии в гражданской войне. Такие люди, как её сын – Борис Сергеевич Афросимов – были врагами коммунистов. Страдали в такой ситуации, как правило, выявленные на Родине родственники – подвергались арестам, высылке, заключению в концлагеря.

Когда в декабре 1941 года Соединённые Штаты вступили во Вторую мировую войну, в армию были призваны и офицеры бывшей Русской армии и флота. *“В армии и флоте США служили некоторые члены Общества бывших русских морских офицеров в Америке. Так, в американский флот в 1942 г. оказались зачислены мичман военного времени А. Н. Ворыпаев в чине лейтенанта, корабельный гардемарин выпуска 1920 г. А. М. Кремков в звании субалтерн-офицера (соответствует рулевому-квартирмейстеру русской службы). <...> В американскую армию были призваны: бывший воспитанник Морского Корпуса П. Н. Николаев; штабс-капитан по Адмиралтейству Б. С. Афросимов (он был призван как холостой, но через год демобилизован по возрасту и состоянию здоровья)...”*²².

И. М. Белавенец по этому поводу написал: «С объявлением войны Афросимова к этому времени уже не женатого, взяли в Армию, откуда год спустя, освободили ввиду, так сказать преклонного возраста. <...> По освобождении из Армии Афросимов занялся малярным делом от себя, в городе Лонг-Айленд и поселился в двух шагах от Белавенец. Афросимов был законно женат два раза на русских и, оба раза не удачно, кончалось разводом. В обоих случаях он проявил много благородства, беря для суда вину на себя, хотя вины его ни в том, ни в другом случае не было. Не повезло.»²³.

Действительно, не повезло, остался Борис Сергеевич без потомков. Он стал Крёстным отцом детей своего друга

– Марии и Ивана Белавенец, родившихся соответственно 3 ноября 1940 года и 24 июня 1944 года.

Как оказалось, Наташа переехала к брату только в 1952 году. *“Афросимов наконец-то дождался приезда своей сестры из Триеста”*²⁴. Приехала она одна или с супругом, неизвестно. Их фото было получено родными в Рязани ещё в 1920-е годы, но фамилия стала известна только теперь – Балабаненко. Скончалась Наташа, урождённая Афросимова Наталия Сергеевна 16 июня 1956 года, покойся на кладбище православного монастыря Новое Дивеево под Нью-Йорком²⁵.

Перенесённый ещё в юности, во время гражданской войны Борисом тиф, дал осложнение на сердце. Ведь тогда не только не было благоприятных условий для полного выздоровления, а наоборот, приходилось сутками быть на ногах или в седле при любых погодных условиях, не говоря уже об отсутствии регулярного и полноценного питания. В 1962-м году Борису Сергеевичу была сделана операция и установлена «электрическая батарея», благодаря которой его сердце работало.

Наташа Афросимова с супругом Балабаненко, 1920-е годы

Съ лѣва на право: Н.А. Горизонтовъ, Б. Афросимовъ, С.Гульквичъ, Полтавскій, Бѣлавенецъ, Ковичъ, Н.Александровъ./ фото 1958 г/.

“Миль 60 на север от Нью-Йорка живёт Никола Гладкевич. Все помнят его под именем «барин». Он имеет большой дом и большую семью и будучи пенсионером, продолжает работать. Всегда полон энергии и вечно занят, что-то нужно сделать в доме. 14 августа прошлого года он решил объединить Выпуск. К нему съехались: Поливанов, Полтавский, Недбаль, Афросимов и Корцын-Жуковский. Благодаря радушной хозяйке приём очень удался. Всех вспомнили и отдали им должное.”²⁶ Это был уже 1966 год, ряды Орловцев редели, но их братство было настолько уникальным и так восхищало русских эмигрантов, что к ним старались примкнуть и те морские офицеры, которые не принадлежали к Выпуску 1920 года.

“В 1969 году военной эмиграцией широко отмечался праздник 200-летия учреждения ордена Св. Георгия Победоносца. Торжества начались еще 19 ноября (6 ноября по старому стилю) в день морского корпуса молебном в Свято-

Троицком монастыре в Джорданвилле. В Нью-Йорке в Морском собрании состоялся вынос Андреевского флага, и штандартов флотов и кораблей.”²⁷ Мне очень хочется верить, что на этом торжестве присутствовал и наш Борис Сергеевич, Кавалер двух Георгиевских крестов – 3-й и 4-й степеней.

Совсем недавно я и предположить не могла, что найду сведения об Афросимовых и в мемуарной литературе, и в современной периодике, выпускаемой в г. Орле. Удивительно, но имена членов этой семьи не ушли в небытие. А впрочем, почему удивительно?! Они входят в число тех людей, которые приносили своим служением пользу России. И революция, разразившаяся в 1917-м, нанесла огромный и невосполнимый урон, выбросив громадный русский умственный потенциал на чужие берега.

Незримой ниточкой соединились для меня два Свято-Троицких монастыря, расположенные по разные стороны земного шара. Свято-Троицкий Мариинский женский в г. Егорьевске, монахиня которого подарила мне книгу, давшую подсказку для успешного поиска сведений о членах семьи Афросимовых. И Свято-Троицкий Ставропигиальный мужской монастырь в Джорданвилле, на кладбище которого нашёл свое упокоение бывший гардемарин Российского Императорского флота, штабс-капитан по Адмиралтейству, дважды Георгиевский Кавалер “Бобка” Афросимов – Борис Сергеевич, скончавшийся 10 февраля 1974 года. Похоронили друзья его 14 февраля, накрыв гроб Андреевским флагом...²⁸

Светлая Память ему и всем его однокашникам – Славным Орлятам и Львиным сердцам, выпускникам Морского корпуса и Отдельных Гардемаринских Классов!

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ ВЫПУСКУ 1920 ГОДА!!!

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. РГВИА, Ф. 400, оп. 9, д. 31488, л. 426 и об.
2. Смирнов В. И. Мы – егорьевцы, М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. – С. 71.

3. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М., 2003. – С. 280.
4. РГВИА, Ф. 400, оп. 9, д. 31488, л. 426 и об.
5. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии, СПб., 1910. – С. 914.
6. Зуев Г. И. Историческая хроника МОРСКОГО КОРПУСА 1701-1925. – М., 2005. – С. 206, 261.
7. Волков С. В. Русский офицерский корпус. – М., 2003. – С. 173.
8. См.: Зуев Г. И.... С. 395.
9. Репринтное издание – Виталь А.А. Егорьевский городской голова Никифор Михайлович Бардыгин (1872 – 1901), 1909 – СП «Вся Москва», 1992. – С. 137.
10. Дьякова А. В. Царская дружба. – СПб., 2008. – С. 314.
11. См.: там же, С. 231 (из «Бюллетеней» И. М. Белавенца).
12. См.: Зуев Г. И...., С. 387-389.
13. Белавенец И. М. Бюллетени «ВЫПУСК МОРСКОГО УЧИЛИЩА 1920 ГОДА. Спустя 30 лет».
14. Кадесников Н. Гражданская война в России, борьба за Поволжье. «На Волге, Каме и сибирских реках». – М., 2005. – С. 254.
15. См.: Белавенец И. М. ...
16. Золотухин Я. К. «Храбрость его не знала границ // Забайкальский рабочий, 05.02.1989 г. http://gurulev.ru/jzl_0006.htm
17. См.: Зуев Г. И..., С. 393.
18. См.: Белавенец И. М...
19. См.: там же.
20. Чуваков В. Н. Незабываемые могилы. М., 1999. – Т. 1. – С. 148 (157)
21. См.: Белавенец И. М...
22. Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009. – С. 384.
23. См.: Белавенец И. М...
24. См.: там же, Дополнение № 3, январь 1953 г.
25. См.: Чуваков В. Н.... Том 1, – С. 176 (185).
26. Бюллетень «ВЫПУСК МОРСКОГО УЧИЛИЩА 1920 ГОДА», 1967 год, Лейквуд, Нью-Джерси, США.
27. Грамматчиков К. Б. «Возвращение утраченного, № 48 от 01.12. 2004 г. [сайт] <http://www.prgazeta.ru/?article=26>
28. Бюллетень «ВЫПУСК МОРСКОГО УЧИЛИЩА 1920 ГОДА», 1975 год, С. 18.